

Анна Даукшта

*Любила вас,
каждого...*

Анна Даукшта

Любила вас, каждого...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70335439

SelfPub; 2024

Аннотация

Женщина в любви. Какая она? Ранимая и сильная, робкая и смелая, застенчивая и порочная – разная. Женщина и любовь – слова-тождества, слова-синонимы. Сколько бы ни было в жизни встреч с мужчинами и себе подобными, с детьми и животными, как бы ни складывались отношения с ними, любовь в женщине всегда вибрирует и сияет, зажигая в глазах огонь и согревая сердце. «Любила вас, каждого...» – автобиографическая повесть о женщине в любви. Оригинальный стиль повествования, тонкий юмор и ирония, с которыми описываются даже драматичные события, житейская мудрость и подкупающая откровенность делают эту книгу и развлечением, и поучением, и отрадой.

Содержание

По страницам – без оглядки	5
«Мессинг». Книга Жизни	9
Большой друг маленького сердца	13
Гробовое лукошко	17
Замуж, девки, выхожу!	20
Справедливая ива	23
«Тудой-сюдой»	27
Шрамы тела и души	30
Задел на будущее	34
Первые лобзания	38
Опыт секса	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анна Даукшта

Любила вас, каждого...

Никогда не искала идеального мужчину.

Встретила своего идеального человека

По страницам – без оглядки

О любви столько понаписано и рассказано!

Скорее всего, мне и добавить к этому нечего...

О разности полов, о целостности тел; о том, как в одночасье любовь нас может покидать и наступать на пятки.

Смелости черпну, и по страницам – без оглядки.

Любила вас,

каждого,

в сетях своего сознания.

Стойкость не встретила

ни в одном.

*Звала учителями вас, себя – наивным цветком.
Танго кружило бутон, дикие ждали свидания.
Дротики страсти хвостики опалены огнём.
Пеплом усеяны залы транзитного ожидания.*

*Любила вас,
каждого,
в сетях своего сознания...*

*Запрет ввела титуловать грехом.
Память хранит естествознания,
костей грохотание – под замком.
К чёрту! Буду писать признания...*

*Любила вас,
каждого,
в сетях своего сознания...*

*Распутницы накинута штамп безличный.
«Гулящая!» – другие прокричат.
На третьих лицах – вид демократичный,
четвёртые тактично промолчат.*

*Поверьте, список будет безграничный:
для них вы просто – ценный экспонат.*

Вас уверять ни в чём не стану, но знаю точно: влюблённость испытывала к каждому объекту, который горизонты освещал. Считать сама их буду и даже опишу. Простят пусть эту шалость те, кого забуду вдруг.

«Мессинг». Книга Жизни

Мне двадцать шесть, ему под сорок. Женат.

Да, да, кричите, господа: «Как могла!» Знаете, легко. На слово: причины были у меня. В сей момент не стану объясняться – не та страница.

Знакомство завязалось на работе. Нет, не коллег то был роман – к шефу он приехал по делам.

Высокий и в плечах широк. Глаза – листвы весенней, волнующий умелый взгляд, игривая улыбка. Вопрос об имени, ведь референт я новый. Непринуждённый разговор и пара кофе в ожидании приёма. Намёк на номер телефона.

Окучивал матёро, но методом избитым: цветы, конфеты и билеты дорогие на концерты. Подиум возглавил секс эффектный, ведь факт тысячелетний, что двум телам под одеялом интересней, – но постель приличным дамам не пристало освещать. Интим двоим оставлю, публично не буду обсуж-

дать.

Три месяца феерия продлилась. Последний диалог:

– Решение твоё приму любое. Я, как и все до меня, и те, кто придёт после, окажусь на своём месте в твоей Книге Жизни. Разница лишь в том, что кто-то займёт строку, кто-то абзац, но, к сожалению (а может, к счастью), найдутся смельчаки – нагадят на страницу.

Подмигивали черти изумрудом. Наверное, сдалась бы, но понимала, что взбил он облака давно: супруга, двое деток и быт крутого дяди. Любовница – скорее статус, а точнее – натура кобеля. Трещало серое¹ по швам, и для себя решила: «Полустанок этот в тумане утра проскочу, и пусть растает дымом, а памяти оставлю диалог. Сенека², блин!»

Спросила:

– На сколько строк в моей Книге Жизни мечтаешь замахнуться?

– Надеюсь на абзац, но если станешь сомневаться между многоточием и точкой, то я двумя руками за первое, – ответил, подмигнув, паяц.

Вот так философ Александр «Мессинг»³ в книгу не только Жизни угодил. По знакам до поста слегка не дотянул. Сколько там, две двести?

¹Серое – здесь: мозг (от «серое вещество»). – Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.

²Намёк на философские труды Луция Аннея Сенеки (4 до н. э.— 65) под общим названием «Диалоги».

³Аллюзия на Вольфа Мессинга (1899—1974), считавшего телепатом и предсказателем.

Большой друг маленького сердца

Девочке Жанне один год и шесть месяцев.

Чёрный одуванчик густых волос возвышался над горшком. Восседала на нём принцессой – спинку держала ровно, будто палку проглотила, – а вокруг бегал щенок. Юная мать следила строго, не позволяя заиграться дочери, готовой сидеть на троне до красного круга на попе. Она откровенно не понимала порыв молодого отца взять скулящего грязного щенка в дом. Так называли сибиряки жильё: полвагончика с форточкой и общим коридорчиком, отгороженным шторой.

Машина с бочкой возила в посёлок воду, разбирали ведрами. Общая баня, после которой нужно быстро бежать по морозу, укутавшись в колючую шаль. Домашний туалет доступен лишь особам королевским – эмалированный горшок кричал об избранности детской.

Девочке Жанне два года и шесть месяцев.

Красные банты, вплетённые в тёмные косы, развевались от ветра и быстрых шагов мамы. Сзади бежал бывший щенок, а теперь взрослая собака Берта, неустанно болтая хвостом-маятником: вправо-влево, вправо-влево. Провожила маленькую хозяйку к няне. Широкую дорогу, по которой ездили огромные машины, издающие страшные звуки и выпускающие вонючий тёмно-серый дым, Берта никогда не перебегала.

Перейдя с мамой на другую сторону, девочка оборачивалась и махала четвероногой подруге. Казалось, что та качает мордой в ответ, и когда фигуры мамы и дочери исчезали, Берта шла домой. Ждать.

Собаке Берте один год и шесть месяцев.

«Люди в этом возрасте только начинают что-то понимать, некоторые – произносить первые слова. Я же взрослая собака. Беспородная, правда, но этот факт только мудрости добавляет: я точно знаю, как не следует вести себя в человеческом доме, чтобы не оказаться там, откуда забрали. Сибирь – дело морозное и неудобное. Уважай правила, и за тобой станут ухаживать, любить и не отпустят».

Так рассуждала Берта, провожая маленькую хозяйку к няне.

«Вот и дорога, я туда ни ногой. Двигающиеся дома: туда-сюда, туда-сюда, того и гляди попадёшь под огромный чёрный круг. Тут совсем недавно Белый погиб, а всё потому,

что пёс он был ничейный. Подкармливали, кому не всё равно. Думала даже, что сам бросился: жизнь-то собачья...»

– Гав-гав-гав!

«Нет, не обращают внимания. Шнурок на ботинке развязался, упадёт же!»

Скрежет колёс по асфальту, покрытому ледяной коркой. Удар. Вскрик. Тишина. Ржаво-бордовое пятно, покрывающее белый бок с коричневым пятном. Бегающие глаза, прерывистое дыхание...

Водитель что-то кричал и махал руками. Мама крепко сжимала пухлые пурпурно-липкие ладошки. Кап-кап-кап – злые солёные из карих пуговиц перемешивались с ещё тёплой кровью уже мёртвого друга.

Собаке Берте так и остался один год и шесть месяцев, а девочка Жанна продолжила жить дальше, запомнив щенка, бегающего вокруг трона-горшка.

Собака и котэ, зайцы и лисы, птицы и земноводные будут сопровождать постоянно, а вот первый друг, как первая любовь, – навсегда!

Гробовое лукошко

Летом детей из Сибири к морю йодом насытиться возили. Если путёвку на воды не дали, то к бабушке – лучшей на свете, в город-герой Волгоград! Там солнышко светит, там пироги, огород, виноград.

В Астрахань как занесло нас, не знаю, была я мала. Может быть, родственник дальний какой оказался? Но после этой поездки семья наша там не появлялась. Скорее всего, связь та была не сильно крепка.

Мне было два. Это мамин рассказ.

Богатый ухоженный двор. Грядки в рядок: огурцы и томаты, вишни с деревьев можно рвать. Вдоль тропинок – розы, астры и георгины. Загляденье, а не сад. Загончик, в нём коза и малыши, а дальше – визги поросят слышны, вон курочки сидят.

– Ой, Жанна, дочка, посмотри, а сколько тут цыплят!

Оставили ребёнка с золотым потомством. Лукошко дали для яиц, решили: справится сама, ходить и говорить умеет, все дела.

Пока у взрослых разговоры и новостей в размах руки, ребёнок в лиса превратился, до верха наполнив тару для яиц пухом золотистым.

Наверно, страшно я любила их. Сжимала ручкой пухлой так сильно, что и дышать было нельзя. Потом сложила всех в корзинку и гордо маме принесла.

Уверена: к добру, что все сидели в шоке. Мама, хорошо зная своё дитя, тихонечко спросила:

– Жанна, дочь, зачем ты их туда сложила?

Ответ готовый у меня, врать не умела в два:

– Они же бегали так быстро, я их ловила и любила. Устали – спать их уложила.

Двухлетку наказать? Ей же не лет, а года – два! Урон хозяйства – в двадцать кур. Родители горели от стыда. Жизнь такова. Судьба цыплят была предрешена.

«Любовь до гроба» – теперь я понимаю суть: так быстро можно в объятиях уснуть...

Замуж, девки, выхожу!

До четырёх с половиной лет я любила маму, папу и погибшую собаку Берту. Явился брат. Ну, что скрывать, втрескалась в него не сразу и через полгода бунт устроила на корабле семейном, в однокомнатной квартире.

Мама из поликлиники вернулась с мелким. Деловая я, с косичками до попы и надутыми губами, молча ходила к шкафу, хватала вещи и бросала в пасть старого чемодана (который на шкафу лежал, и как-то же достала!). Маме не до смеха, дочь уверенно съезжает.

- Жанна, дочка, куда собираешься?
- За Витальку замуж выхожу.

Виталька жил на девятом, с мамой Аней, которую по никому не понятным причинам я звала Ванечкой. Мальчику – четыре.

– Дочь, а как замуж пойдёшь, ведь ты и посуду мыть не умеешь? – Мама делала смелые попытки вразумить.

Дочь – не лыком шита:

– Ничего, ничего, Ванечка научит. Вы уж тут сами с Васяткой, – это о брате Васе, – справляйтесь, у Ванечки и комнат больше...

Замуж за Витальку, конечно, не пустили, и занять лишнюю площадь у Ванечки не вышло.

Думаю сейчас: Куда же, Жанночка, твоя меркантильная натура испарилась? Как проста и гармонична могла оказаться жизнь, но в душе Забава поселилась: «А я не хочу, не хочу по расчёту! А я по любви, по любви хочу!»

Справедливая ива

Как часто ученицы влюблялись в учителей средней советской школы? Осколки Союза Социалистических поймут. Наши учителя сплошь были женского роду-племени. Мужчин – как в той считалочке про косоногого, но и до пяти дотягивали редко. Чаше так: физрук – раз, трудовик – два, фарт мимо не пролетел, энвэпэшник¹ – три. Вся элита. Казалось, что они родились старыми, особенно когда тебе восемь.

Впервые сердце пропало в волгоградской средней школе – в ссылке, у бабушки. Юнец-учитель, только после педа, влюбил в себя, сам того не ведая. По самые банты.

Урок вёл всего один – рисование. Поэтому девчонки с первого по выпускной ловили внимание новичка по коридорам. Вредные красивые старшеклассницы часто обсуждали

объект вздыханий. Знала точно: тётка училась в десятом. Но любовь приходит, уходит, ничего не попишешь. Эта рухнула благодаря юбке.

Да, обычный подол тёмно-коричневой девчачьей формы, в которой бегали по школьным коридорам полчищами тараканов, несмотря на страхолюдство, волшебной силой обладал.

Ах, задранные юбки школьных платьев! Непривлекательны они, но интерес мальчишек: «Что под ними?» – не унять.

Начало то восьмидесятых, класс второй. Что пацаны узреть хотели, нам не понять, но перемена жаркою была.

Поднять подол – любимое занятие. Девчонки вдоль стены стояли, держась не за неё – вцепившись в платье. Зажав его прищепкой-кулачком. Мальчики вокруг кружили роем пчёл, пытаюсь заглянуть – запретно.

Красивая девчонка в каждом классе имела место быть, в нашем – Маша. Вниманием ребят не впечатлить: нам восемь. Девочка скромною была и хорошо училась, нравиться умела всем без исключения. Ей отдана была и справедливая душа моя – на страже юбок двух стояла я.

Вот невезенье! Прозевала толстяка. Подол Марии взлетел так высоко, прикрыв лицо... Позор! Материи кусок на место опустился, слёзы градом вмиг прекрасный исказили лик. И вот уж толстый Владик драпал – от меня. За ним летела фурией, ведь в гневе, знал он, я страшна! В руках – кнут ивы, сделала сама.

Так быстро не удалялся Владик никогда. На входе в школу, по обе стороны, росли там тополя. Стройны, высоки – в народе столбами звали, и не зря. Наш безобразник, выбежав во двор, шустрым котом на дерево взобрался. Нарочно попроси – полсентября бы дожидался. Как велики глаза у страха!

Итог: спуститься Владик сам не смог, и мне расправа уж светила. Учителя совет собрали, директор лестницу принёс, а пухлый Влад уж веточке ущерб нанёс. Эх, сняли чувака, слезу утёрли, а мне устроили разборки. Учитель обожаемый, объект для подражания, кумир девчонок школы всей – душу в клочья разочарованием: участие он бурное в допросе принимал. Мне вынесли вердикт: «Виновна!»

Изъяли кнут, по поведению – два! Но с детства я упрямою была: вести борьбу за справедливость охоту не отбили, да и плакучей ивы на берегу реки – ну завались.

Подумаешь, развеялась любовь. Всё впереди!

¹Энвэпэшник – НВП – предмет в школе – начальная военная подготовка.

«Тудой-сюдой»

Город молодой сибирский ожидал, объятия раскрыв народу. И люд потёк, как нефть по трубам; горели делом, словно газ попутный. Жемчужиной Сибири высотки на болоте позже назовут.

Когалым. Зима. Впервые в школу. Девять мне. Большая, в галстук, подросток Вова – на груди. Но что-то там в коммунистической среде или страна большая – до Севера же ехать далеко, – среди ребят сибиряков одна я в пионеры принята. Всю четверть защищала честь галстука и с Лениным значка. Мне и сегодня невдомёк, что там случилось и почему одних приняли в ряды в конце второго, остальных – лишь в третьем под Новый год. В связи же с путаницей этой мне уготован был урок.

Одноклассница Оксана борьбу за право поддержала. Подругами мы стали – «поделись трусами». Зависть натуру обходила стороной, да и сейчас красивых женщин по достоинству ценю. Тогда же сердце справедливое было ей отдано – всё, без остатка. Если мама шила обнову для меня, то и Ксюхе. Не приняты ночёвки были друг у друга – нам позволялось даже это.

Никто не смел достать подругу. Попробуй – Жанна тут как тут, и все бегут уж с перепугу!

– Давай сюдой пойдём, тудой мальчишки поджидают, – ноет Ксюха.

– Как скажешь, можем и сюдой, но, если будем постоянно обходить их стороной, никогда не сможем ходить тудой. А

нам там ближе.

Сопротивлялась говору недолго. Выписала пацанам – сразу освободилась короткая дорога.

Дружбой дорожили года три...

Нам по двенадцать. Посылка с Украины, от бабушки Оксанки. Варенья и соленья. Крупные семки, с прилипшими кристаллами морской, которых распаханному пузу не забыть. Стаканами, да с шелухой, ведь в школе непозволительно сорить.

Шрамы тела и души

Больничка. Хирург на весь город один. Собирает строителя, придавленного стеной. Сложный тела конструктор, в котором разобраться может только он. Восемь часов. Живой.

Вечером аппендикс – вдребезги. Мой. Шрам четырнадцать сантиметров, рогат и фиолетов. Купальник слитный – по жизни со мной.

Выписка. Бесконечные перевязки и голод, преследующий постоянно. Оксанка не приходит. Приобретаешь знание о вреде подсолнечных с кожурой, и что шрам во всё пузо – фигня, а вот рубец на сердце – настоящая монтана, как говорила мама. Подруга поменяла тебя на новенькую – дочь директора музыкальной школы, племянницу нашей «литрусички». Благодаря последнему факту оценки по любимым предметам падали со скоростью сосулук с крыши по весне.

«Деловая» приносила в школу жевательную резинку в разноцветных шариках, в модно недосыгаемой немецкой упаковке. Оксанкино сердце переключалось в новые отношения и прилипло намертво. На жвачку. «Тудой-сюдой» уехало к блатным.

Решение принято: подруги лучшей не будет. Никогда.

- *Что за шрамы?*
- *От ожогов. Когда меня реанимировали.*
- *Они красивые.*
- *Вряд ли.*
- *Эй... Они спасли тебе жизнь. Они прекрасны.*

(Из к/ф «Двойная жизнь Чарли Сан-Клауда».)

Шрамы на теле – как напоминание: сколько раз можно было уйти, но ты остаёшься, каждый раз остаёшься для чего-то большего.

Аппендикс одарил рогатым в четырнадцать сантиметров. Фиолетовым он был ещё лет семнадцать. Сначала боялась и трогать, потом стеснялась на пляже раздеться. До следующего шрама. Но два других совсем незаметны, хирург-гинеколог – золотые руки и сердце – решила: «Молодая, одного во всё пузо вполне достаточно». Сделала красиво-горизонтально оба, с разницей в шесть месяцев.

Да, бикини уже не мой вариант, но приходит день, когда начинаешь любить свои шрамы. Даже те, которые сделала сама... Каждый говорит о том, что идёшь вперёд, что жива. Зачем-то осталась. Шрамы на теле заживают быстро, так оно устроено. Они закаляют характер и остаются с тобой навсегда. Если сможешь поведать о них, получится хорошая история.

Чего нельзя сказать о шрамах души, сердца. Раны от неразделённой любви, законченных отношений и потери близкого человека... А хуже всего ложь – убивает живое на пути и внутри. Ещё зависть, которая правит миром и людьми, перерастающая в ненависть, далее – в войну.

Самые страшные раны остаются на чести. Говорят, что измена женщины для мужчины равносильна известию о кон-

чине через три дня. Не думаю, что дамы легче переживают «левостороннее» любимого, но и эти дыры способны затянуться, а шрамы останутся с тобой как напоминание о том, где ты был. Но они точно не должны диктовать тебе, в каком направлении двигаться дальше и кто ты сегодня.

Знаете, что такое кинцуги? Это вид искусства, в котором ты разбиваешь нечто особенное, а потом золотом склеиваешь, как было.

Твои шрамы – не признак того, что ты сломлен, а доказательство того, что ты исцелился. Кинцуги – исцеление через надлом.

Задел на будущее

Четырнадцать. Волшебная пора и перерыв в любви огромный. Обида сильная предательством подруги, два года как свободны сердце и душа. Тем летом впервые отправилась познать, чем пахнут ремёсла. Супермагазин на выезде: спортивные товары, замуты для рыбалки и мелочи приятные – скульптуры для дома красоты.

Палатку по утрам устанавливал подсобный, он же товар на тачке вывозил. Торгового работника стезя оценена. Расставить всё, как этого желала, на целый день киоск тот в царство превращала. Остановка рядом, народ снуёт туда-сюда, опыт общения огромный там приобрела.

Вниманием мужским – нет, не была обделена. Компания однажды подошла. Большую популярность имел напиток – пиво, из Праги, на розлив. Парни несли канистру литров двадцать, но выпить днём дела мешали. В палатке – под коробкой, в тенёчке – попросили хмельное сохранить. Купили в благодарность какой-то ерунды.

Один к закрытию явился. Невзрачный, невысокий, без ресниц. Но улыбаться и смущаться заставил малолетку. Без пошлости стихи читал. Чужие. Бродского предпочитал.

*Предпоследний этаж
раньше чувствует тьму,*

чем окрестный пейзаж;
я тебя обниму
и закутаю в плащ,
потому что в окне
дождь – заведомый плач
по тебе и по мне.

Нам пора уходить.
Рассекает стекло
серебристая нить.
Навсегда истекло
наше время давно.
Переменим режим,
дальше жить суждено
по берегам чужим.¹

Issa Weiss

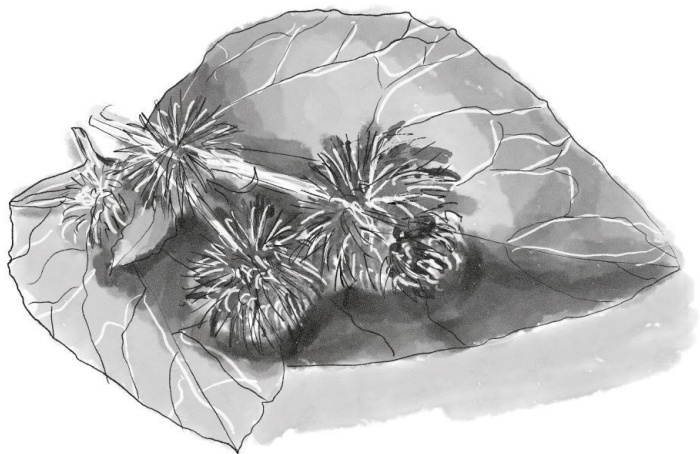

Привлѐк внимание поэт, парень шѐл в нагрузку. Он только что из армии вернулся. Отметить дембель с ребятами решили. Забрал канистру, колокольчик для рыбалки приобрѐл и мне вручил, подарком. Тем летом на глаза не попадался, остался Бродский. Игорь не поэт, в дальнейшей жизни ожидает нас дуэт.

¹Иосиф Бродский. «Предпоследний этаж...».

Первые лобзания

Подростка нежный возраст. Уверена: не по годам умна. Ровесники не стоили ногтя, и дружба с ними так нудна. А тут соседка по подъезду предложила шефство, листок её календаря шёл впереди года на два. Ребята, с которыми дружили, ровесники девочкам были. Им скоро восемнадцать, и разговоры в основном крутились, конечно же, о том, что осенью забреют в армию гуртом. Один из них авансами одаривал, влюблял. Красивый и высокий, шутник и балагур. Никто с ним не скучал. Благодаря фамилии и росту ребята звали Лопухом. Так имени его и не узнала.

Lise & Vass

Гуляли мы компанией весёлой, и день наш летом длился до утра. Ведь городок сибирский на волшебной широте: ему достались ночи белые, как северной столице, а мне же – первый поцелуй, как утешение для будущей страницы.

Лопух, шагая рядом, подначивал девицу:

– Скажи мне, детка, уже ты целовалась?

– Нет пока... – Щёки алым покрывались, страшно смущена.

Не унимался:

– Уеду завтра, детка, подаришь поцелуй?

Девчонки и ребята ржали, но не было мне дела: нравился Лопух. Смелости вдохнув, пальчиком стучала по лицу:

– Конечно подарю. Пожалуйста, сюда.

Все взгляды – на него. Смеяться перестали, застыли в ожидании: ничего себе, малолетка, Лопуху – ответку.

Секундой промелькнула в глазах его тоска... Возможно, показалось: неопытная я. Вплотную подошёл. Высокий безразмерно – в грудь ему дышу. Не стал тянуть резину – взлёт, и я уж на руках. Признаюсь честно: кружилась голова. Всё тело колкими мурашками покрылось, и что-то там случилось внизу, у живота.

Ах, он целовал меня, как взрослые в кино, как я читала в книжках запрещённых – нет, не сейчас, давно: Золя и Мопассан, Флобер... В миг этот на части тело расколосось, и собирать осколки не хотелось, и мысли молоточком в череп мой: «Пусть длится вечно этот поцелуй...»

Утром поезд мчал его к бабушке и деду, проститься перед армией со всей семьёй. Нет, мы больше не встречались, но первый опыт взрослого лобзанья, которым одарил с душой всей Лопух, запомнился навечно.

Спасибо говорю в ту неизвестность, где он, возможно, и

сегодня существует. Детей воспитывает, не исключено – и внуков, жену целует, любит и счастливо живёт.

Хочу я пожелать всем девочкам любви заветной. Возможно, мимолётный поцелуй оставит в сердце след заметный и жизнь раскрасит вовремя тёплым памятным огнём.

Опыт секса

«В дёсны» старалась больше не дружить. Общаться и время совместно проводить – необходимость для подростка социальным быть.

Знакомство завелось в соседней школе. Не помню, как и почему сошлись мы с Олей. Нравилось в гости к ней ходить и исполнения сонаты «Лунной» каждый раз просить. Для меня, которой медвежата-близнецы лезгинку сбацали на органах известных, божественно её игра звучала...

Жила пианистка в другом микрорайоне. Часто бывала в нашем доме в девять этажей и пять подъездов. Дядя её жил в одном из них. Не знаю, мамин или папин брат, но это и неважно. Звали родственника Петром. Похож был на цыгана. Красив, как сволочь, ну и взрослый, лет двадцати шести. Жил один, в собственной квартире. Родители, гнездо устроив сыну, в домик уехали, поближе к морю.

Чем занимался дядя, нас занимало мало. В четырнадцать! Оно нам надо? Племянница, забегая к нему на чай, приглашала и меня. Легко с ним было и весело. Влюбчивая ворона втрескалась в Петровича (так его называли в городе). Признаться в этом боялась даже себе, поэтому секрет бережно хранила в душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.